

Инютина Л. А. Особенности становления русского языка и формирования грамматической нормы в деловой письменности Западной Сибири XVII—XVIII веков / Л. А. Инютина, Т. С. Шильникова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 64—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-64-76

Inyutina, L. A., Shilnikova, T. S. (2017). Features of Formation of Russian Language and Development of Grammatical Rules in Business Writing in Western Siberia of 17th—18th Centuries. *Nauchnyy dialog*, 11: 64-76. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-64-76. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'366.2+81-112

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-64-76

Особенности становления русского языка и формирования грамматической нормы в деловой письменности Западной Сибири XVII—XVIII веков

© **Инютина Людмила Александровна (2017)**, orcid.org/0000-0003-0091-2678, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет; заведующая кафедрой русского языка, Новосибирское высшее военное командное училище (Новосибирск, Россия), ljudina@yandex.ru.

© **Шильникова Татьяна Сергеевна (2017)**, orcid.org/0000-0001-8639-5645, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирское высшее военное командное училище (Новосибирск, Россия), caprice25@yandex.ru.

Рассматривается проблема формирования русского языка и его норм в Западной Сибири в период освоения края русскими первопоселенцами. Реконструируется языковая ситуация в регионе в XVII—XVIII веках, характеризующаяся как «сибирский фронт». Определяется стабилизирующая роль русского языка, отмечается культурно-языковое влияние со стороны языков сибирских народов-автохтонов. Указанные факторы касаются прежде всего функционирования русского языка как средства межнационального общения. В связи с этим охарактеризован состав населения: местные народы и сибирские первопоселенцы (с учетом данных об их происхождении). Особое внимание уделено выяснению характера нормы в начальный период формирования русского национального языка и выявлению особенностей перестройки именного склонения во множественном числе (к кодифицированному исследованию привлекаются памятники деловой письменности города Томска XVII века). Материал документов позволяет объективно и непротиворечиво интерпретировать факты языкового варьирования у имен и выявить определенные закономерности в становлении именной полупарадигмы. Доказано, что результатом взаимодействия ареальных языковых особенностей с общерусскими элементами

является региональный узус делового языка XVII века, который воплощается в языковой вариативности местных памятников письменности.

Ключевые слова: русский язык в Сибири; сибирский фронтир XVII—XVIII вв.; норма; узус; вариант; вариативность.

1. Введение

История русского языка в Западной Сибири, безусловно, имеет региональную специфику, поскольку на этой территории он начал складываться в начальный период формирования русской нации благодаря трем составляющим: русские говоры, русский литературный язык, русский язык у местных народов Сибири. Недостаточная изученность особенностей русского языка в Сибири в период освоения края отмечается русистами разных поколений: П. Я. Черных [Черных, 1953, с. 213, 223], В. В. Палагиной [Палагина, 2007, с. 26], Л. Г. Паниным [Панин, 2006, с. 134].

Настоящая работа посвящена изучению процесса формирования норм, функционирующих в русском национальном языке, в русском языке Западной Сибири в период XVII—XVIII веков. В работе анализируются условия становления русского языка на этой территории, выясняется характер нормы в начальный период формирования русского национального языка, определяются особенности перестройки именного склонения во множественном числе (на материале памятников томского делового письма указанного периода).

Научная новизна работы заключается в привлечении к исследованию сибирских деловых памятников XVII века, из которых значительная часть ранее не изучалась, что расширяет источниковую базу историко-вариалогических изысканий.

Методологическим основанием исследования являются принципы историко-культурологического, структурно-системного подходов к анализу языкового материала. В качестве основного в работе использован метод лингвистического описания с его приемами сбора, наблюдения, сравнения, статистических подсчетов, обобщения и интерпретации, применявшийся при характеристике вариантных единиц разных видов.

2. Особенности становления русского языка в Западной Сибири

С понятием «сибирский фронтир» (англ. *frontier*; букв. — граница между землями, освоенными и не освоенными поселенцами), принятым в историко-культурологических, историко-лингвистических исследованиях, связывают события в период освоения сибирских земель русскими первопроходцами.

Русские переселенцы начинали осваивать сибирскую территорию в конце XVI — начале XVII веков, поселяясь среди ненцев, селькупов, которых

русские люди называли *самоедами* или *самоядью*, хантов (*остяков*) и манси (*вогулов*), языки которых принадлежат к обско-угорской группе финно-угорских языков; тюркоязычных племен, получивших у русских название *татары* (томские, чулымские и кузнецкие татары, а также телеуты — «белые калмыки», енисейские киргизы и племена южного Алтая). Таким образом, это были народы и племена, говорящие на разных языках, не являющихся родственными русскому языку и относящихся к нескольким языковым семьям и группам; ведущие, как правило, кочевой образ жизни и имеющие уклад жизни, отличный от характерного для русского мира; не связанные государственностью, имеющие родо-племенную организацию общества.

Состав переселенцев из европейской части России также не был однородным в социально-экономическом, политическом и языковом отношении:

- 1) в Сибирь отправлялись промысловики («промышленные люди»), пашенные крестьяне, составившие поток добровольных переселенцев;
- 2) служилые люди, шедшие за Урал по царскому приказу: казаки, стрельцы, пушкарки и др.;
- 3) ссыльные люди, от которых царское правительство стремилось избавиться как от беспокойной, ненадежной в политическом отношении части населения.

В конце XVI и начале XVII веков служилые люди составляли большинство постоянного русского населения в сибирских землях, но постепенно поток добровольных мигрантов нарастал и к концу XVII века превысил число тех, кто отправлялся в Сибирь не по своей воле [Бахрушин, 1955; Никитин, 1990; Шунков, 1946 и др.]. Российское государство быстро стало в Сибири новой, активно действующей силой и оказало значительное воздействие на весь ход исторического развития сибирских народов. Большинство ученых разделяет мнение о тесном переплетении государственного и вольно-народного начал в освоении Сибири, что и привело в конечном итоге к ее прочному вхождению в состав Московского государства.

Заселение Западной Сибири происходило по рекам (например, водный путь с Иртыша на Енисей, которым шел Ермак), а позднее — по Московско-Иркутскому тракту. Именно на этих путях возникали первые русские поселения (зимовья, заимки, деревни, слободы, острожки, остроги, города). Историки утверждают, что в XVII веке крестьянское население догнало по своей численности служилых людей, обогнало торгово-промышленных людей и определило характер населения земледельческой полосы Тобольского (позднее Томского) разряда [Шунков, 1946].

На основе языка ранних русских переселенцев сформировались сибирские говоры, которые принято называть старожильческими, характе-

ризующимися наибольшей определенностью и устойчивостью языковых черт. В. В. Палагина, реконструируя исходное состояние старожильческих говоров среднего течения р. Оби, выделяет четыре типа говоров, которые существуют в современной Сибири: старожильческие; смешанного типа; говоры новоселов (возникшие в поселениях, основанных позднее второй половины XVII века); островные говоры. Эта типология сибирских говоров, как подчеркивает исследователь, основана на собственно языковом принципе, в связи с чем «под старожильским говором следует понимать такой говор Сибири, который характеризуется совокупностью фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, выявленных на основе изучения речи потомков русского населения Сибири XVI—XVIII вв. и имеющих общесибирское распространение» [Русские говоры Среднего Приобья, 1984, с. 20].

Вопрос о происхождении сибирских первопоселенцев, чья речь явилась основой сибирских старожильческих говоров, представляется крайне сложным и продолжает быть предметом обсуждения. В исторической и лингвистической литературе известны две точки зрения относительно мест выхода сибирских поселенцев. Согласно одной точке зрения (П. Н. Буцинский, А. М. Селищев, П. Я. Черных, Н. А. Цомакион и др.), первопоселенцы были севернорусами. Другая точка зрения (В. И. Шунков, В. В. Палагина, Л. А. Захарова) заключается в том, что сибирское население изначально было смешанным по своему диалектному составу, что представляется нам лингвистически более обоснованным.

Изучение истории русского языка в Сибири, в частности в Западной Сибири, начавшееся как исследование говоров на этой территории [Григорьев, 1921; Ламанский, 1895; Селищев, 1968; Черных, 1953 и др.], является продуктивно развиваемым в сибирской исторической русистике в настоящее время, например, учеными томской диалектологической школы [Захарова, 1977; Инютина Л. А., 2012; Палагина, 2007; Панин, 2006; Шелепова, 1994; Инютина Т. С., 2008; Щитова, 2008 и др.].

Исторические и лингвистические факты свидетельствуют о распространении литературного русского языка в Сибири также с начала XVII века. Обратимся к таким из них, как развитие городов, распространение православия, развитие русской и церковнославянской письменности.

Присоединение сибирской территории к России происходило одновременно с ее хозяйственным освоением. Это были две стороны процесса превращения Сибири в неотъемлемую часть Русского государства. Город, рассматриваемый как общественное явление, на большей части сибирских земель впервые возник с началом русской колонизации. Сибирские города

и остроги обеспечивали оборону края, управление им, сбор налогов (ясака) с населения; кроме того, они служили местом торговли, промышленного производства, транспортным узлом, центром распространения православной веры и культуры. К началу XVIII века русские люди возвели в Сибири (дойдя до берегов Тихого океана) около 150-ти крепостных сооружений. Двадцать из них, основанные в XVII веке, стали уездными центрами, в том числе в Западной Сибири: Тюмень, Тобольск, Сургут, Нарым, Верхотурье, Мангазея, Томск, Кетск и др. С постройкой в 1618 году Кузнецкого острога, ставшего вплоть до XVIII века русским форпостом на юге Западной Сибири и охранявшего от набегов кочевников заселенные и осваиваемые русскими людьми земли, историки связывают завершение первого этапа присоединения Сибири к России, включение в состав Московского государства почти всех западносибирских земель [Никитин, 1990, с. 17].

Приход русских людей в Сибирь ознаменовался и приходом православия на эту землю. Контроль русской православной церкви в Сибири, по оценке историков и филологов, оказался сильнее, чем в Европейской России: «духовенство занимало руководящее положение в общественной жизни, не уступая его почти до самого конца XVIII века» [Ромодановская, 2002, с. 17], основные классы и сословия нового сибирского населения (крестьянство, казачество, купечество) не могли противостоять и не противостояли духовенству «в качестве создателей новой идеологии» [Там же]. Роль церкви в создании сибирской литературы (русской литературы, созданной в этом регионе) и развитии народно-литературного типа русского литературного языка представляется весьма важной, обусловившей их особенную традиционность и «церковнославянизацию» — черты, отличавшие их от общерусских литературных традиций.

Таким образом, Сибирь в период ее освоения явилась местом синтеза различных языков, укладов жизни и культур. Роль стабилизирующего фактора выполнял сам русский язык: «для русских говоров Сибири это были материнские говоры, для языка русской книжности — литературный язык в своих обеих формах проявления (народно-литературной и церковнославянской)» [Панин, 2006, с. 133]. Дестабилизирующим было культурно-языковое влияние со стороны сибирских народов-автохтонов, «по-разному реализующееся в разных регионах и затрагивающее прежде всего то проявление русского языка, которое выступало в качестве межнационального средства общения» [Панин, 2006, с. 134].

В связи со сказанным очевидна необходимость последовательных и комплексных исследований, чтобы достичь ощутимых результатов в сибирской диахронической русистике.

3. Особенности формирования грамматической нормы в деловом языке Западной Сибири

Большинство работ, посвященных изучению формирования нормы в деловом языке XVII века, за редким исключением, основаны на источниках Центральной России и затрагивают чаще всего вопросы лексического состава и стилистики документов. Памятники делового письма Сибири, содержащие богатый языковой материал и в большом количестве представленные в государственных архивах, изучены мало.

Остановимся в настоящей работе на анализе процесса формирования грамматической нормы русского национального языка в языке западносибирских деловых документов XVII века через призму феномена языковой вариантности. Материалом для исследования послужили тексты Приходных и Расходных книг города Томска XVII века, впервые привлекаемые для кодикологического исследования языковой вариативности.

Приходная книга за 1631—1632 годы и Расходные книги за 1630—1631 годы Томского города [П; Р; РП] написаны на 527 листах и изданы в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). Текст документов передан с точным сохранением стилистических, фонетических и орфографических особенностей.

Все три рукописи написаны одним почерком, что позволяет исследовать указанное выше явление и проследить, как в томской деловой письменности первой половины XVII века отразилась общеязыковая тенденция к норме и закреплению в качестве категории, классифицирующей имя существительное во множественном числе, категории числа.

Общеизвестно, что с XV века имена муж. рода в им. падеже мн. числа начинают принимать окончание *-а* под воздействием целого ряда причин. Преимущественно данное окончание получало свое распространение в словах вещественного значения, причем развивалось оно только в вин. падеже и только у неодушевленных существительных. Однако исследуемые памятники не фиксируют *-а* в словах муж. рода им. и вин. падежей: *взяты холсты* (Р, 207 об.), *оралники отданы* (Р, 215), *хлебные запасы* (Р, 216), *полные их оклады* (РП, 107) и др. — в им. падеже; *в сибирские городы* (П, 37), *за те бобры взяли* (П, 95), *за те пупки и хвосты* (П, 140), *в остроги* (Р, 25), *на мелкие расходы* (Р, 191 об.), *делали тчаны* (РП, 116), *деньги за коты* (РП, 113 об.), *на колючные снасти и на парусы* (РП, 94 об.), *послан на жерновы* (РП, 96) и др. — в вин. падеже. Поскольку окончание *-а* — это средство выражения собирательной множественности у неодушевленных имен муж. рода, то его отсутствие свидетельствует о том, что указанная категория в изучаемый период еще не сформировалась, ср.: *в сибирские*

города — в *сибирские города*, на *парусы* — на *паруса*, *послан на жерновы* — *послан на жернова*.

Характеризуя им. падеж, также следует отметить, что у слов муж. рода отсутствуют формы с органическим смягчением: *конные казаки* (П, 44 об.), *отдали целовальники* (П, 57), *присланы поляки* (РІ, 31), *ружники* (РІ, 163), *мельники* (РІ, 167 об.), *дьячки* (РІ, 164) и под.

Колебания во флексии существовали у имен муж. рода и в род. падеже: варьировались окончания *-овъ* / *-ей* вне зависимости от твердости или мягкости основы. После XVI века разграничение форм с ними уже определяется характером согласного основы (твердые — *-овъ*, мягкие — *-ей*), но еще не имеет устоявшейся нормы, что проявляется и в наших текстах: с *русских товаров* (П, 1 об.), *конных козаков* (П, 40 об.), з *зешиков* и з *бражников* (П, 95), из *десятников* *отставлен* (РІ, 116 об.), в *отрубе четырех вершков* (РІІ, 57 об.) — имена с твердой основой; *рублев* (повсеместно), *песот гвоздей железных* (РІ, 209) — с мягкой.

Кроме того, отмечены примеры существительных муж. рода с нулевой флексией, которая встречается у слов со значением меры (*алтын*) и у заимствованных слов с собирательным значением (*ис киргиз*, *от калмак*).

В отличие от имен муж. рода, которые еще не демонстрируют принципиального выбора окончаний, диктуемого твердостью / мягкостью согласного основы, имена жен. и ср. родов в этом случае являют однозначное написание. Так, имена **ā*-основы в род. падеже имеют нулевое окончание: с *пив* и с *пьяных браг явки* (П, 53), с *служивых кабал* (П, 92), *восьмьот скоб судовых* (РІ, 217), за *пятнатцат гривенок* (РІ, 217 об.), *бечев купить* (РІІ, 94), тогда как флексию *-ей* имеют имена с древней основой на **ī*: *всяких крепостей* (П, 92), *судовых снастей* (РІІ, 94). Варьирование не затронуло эти имена, так как на них ориентировались складывающиеся формы муж. рода.

Следующие три падежа (дат., твор. и местн.) претерпевали в языке изменения одного характера, и результаты, возникшие в итоге этих процессов, также совпали. Окончания, которые постепенно принимали имена в данных падежах, изначально принадлежали словам с **ā*-основой. Считается, что унификация здесь началась с дат. и местн. падежей, затем коснулась твор. падежа и завершилась в целом к концу XVII века.

Аналогичная ситуация отражается и в томских памятниках с той лишь разницей, что замена на флексию с *-а* последовательно фиксируется прежде всего у имен муж. рода в местн. падеже. На то, что местн. падеж характеризуется значительной степенью подверженности процессу унификации во мн. числе, указывает следующий факт: все имена муж. рода, встретившиеся в этом падеже, пишутся исключительно с *-а*: в *казаках* (РІ, 114 об.),

116 об.; РП, 66 об.), в десятниках (РП, 120 об., 140 об., 141 об.), в пятидесятниках (РП, 134 об., 140 об.), при дьяках (П, 1) — с **ǫ*-основой; в сторожах (РП, 120 об., 121, 146, 169 об.), в вожах (РП, 105 об.) — с **jǫ*-основой. Помимо этого, окончание *-ax* встречается у имен **i*-основ жен. рода и Pluralia tantum: в тех росписях (РП, 112 об.), в Чатах убили (РП, 1), которые также принимали его у имен с **ā*-основой.

Несложно заметить, что в данном падеже процесс затронул имена, основа которых заканчивается на *-z*, *-k*, *-x* и мягкие согласные (а также шипящие и *-ц*, которые постепенно отвердевали). Однако говорить об окончательном развитии данной флексии все же не приходится в силу наличия, например, такого написания — в служивых людех (РП, 27 об.).

В дат. падеже окончание *-ам* распространено, конечно, у имен с **ā*-основой (как на твердый, так и на мягкий согласный): чацким мурзам на корм (4 раза), томского города головам (2 раза), взяты к тюрьмам (РП, 169 об.), к мельницам (3 раза), ко государевым житницам (8 раз); к прежним их дачам (РП, 1; РП, 95 об.), к торговым баням (РП, 202 об., 211 об.). Новое окончание лишь в единичных случаях встречается у слов муж. рода с основой на **ǫ* мягкой разновидности и у слов с основой на **i*: к трем рублям (РП, 122 об.), по росписям (П, 89).

В остальных случаях наблюдаются еще старые флексии: доходом (2 раза), ружником (15 раз), казаком (7 раз), человеком (10 раз), десятником (10 раз), плотником (3 раза), заклатчиком (7 раз) — с основой на **ǫ*; иноземцом (РП, 199 об.), киргиским князцом (РП, 97 об.), товарищем его (РП, 111) — с мягкой основой **jǫ*. Исконные окончания сохраняют и имена с основой на **i*, некоторые имена Pluralia tantum: лошадем на корм (РП, 109, 119 об.), для выгруски к мелем (РП, 96 об.); служилым людям (58 раз), детем боярским (3 раза). Не отмечено и обратных замен с окончанием *-ом* / *-ем* у имен **ā*-основ и **i*-основ.

Подобное варьирование окончаний у имен, для которых флексия *-ам* не является исконной, говорит о том, что процесс унификации в дат. падеже только начался, причем начался с имен мягкой основы и основы на заднеязычные. В целом такая тенденция развития во мн. числе окончаний с *-а* характерна и для твор. падежа.

Флексия *-ами* в твор. падеже прослеживается у имен с **ā*-основой: послан с отписками (П, 44 об; РП, 1 об., 14, 42 об., 59, 105), в избе с воеводами (РП, 37 об., 118 об.). Однако данное окончание обнаружено только у двух имен с основами на **ǫ*, причем заканчивающихся на *-z* и *-k*: с упрягами (РП, 116 об., 119 об.) и с пометными списками (РП, 105). Большая же часть имен с основой на **ǫ* отражает пристрастие к исконной флексии *-и* / *-ы*: с товарами

иц (32 раза), с тобольскими *целовалник* (П, 141 об.), с томскими *ж казаки* (П, 143), *попу с причетники* (РП, 37 об.), *изумену с соборяны* (РІ, 206 об.), *службу с ыноземцы* (РП, 27), что кажется вполне закономерным, так как твор. падеж новые формы принимал сложней, чем дат. и местн. падежи.

Можно сказать, что в томских памятниках зафиксирован переходный этап развития единой именной полупарадигмы. В некоторых падежах флективная вариантность полностью отсутствует (им. и вин. падежи), в других устранение признака типа склонения уже заканчивается (род., местн.), в третьих — только начинается. Очевидно, что в парадигме множественного числа значимой становится семантика числа и падежа, а не типа склонения существительного. Памятники сибирской деловой письменности, таким образом, фиксируют и отражают общую языковую тенденцию к унификации склонения имен во множественном числе.

Итак, осуществленный анализ томских памятников письменности, безусловно, свидетельствует, что «большое государственное значение развитой московской письменности обеспечивало авторитет формировавшейся в ней узусальной нормы» [Котков, 1980, с. 111]. Однако мнение о том, что если в документах XVI века еще проявляются «местные традиции, то тексты XVII века обнаруживают единую систему норм» [Кортава, 1998, с. 84], представляется излишне категоричным. Приказное письмо Сибири XVII века все же имеет свои особенности. Характер сибирской деловой письменности обусловлен несколькими факторами: ограниченным составом писцов-профессионалов, довольно высоким уровнем грамотности населения и привлечением к делопроизводительной деятельности представителей разных сословий. Всё это способствовало тому, что в документах, создаваемых периферийными писцами, нередко были отступления от шаблонов центральных канцелярий.

Существенным фактором в характеристике регионального делового языка являлась традиция, которая выполняла стабилизирующее начало донационального языка, определяла, «когда, как и что из языковых средств употреблять, и регулировала процессы новообразования в языке» [Панин, 2006, с. 135]. А «норма — явление синхронное, отражающее актуальное состояние языковой системы, и в качестве такового явления она нацелена на сохранение единства языковой системы» [Панин, 1995, с. 6]. Традиция и норма — два разных стабилизатора языка: норма ориентирована на перспективу, развитие языковой системы, а традиция — на ретроспективу, преемственность в процессах ее эволюции [Панин, 1995, с. 6].

Говоря о норме и традиции в деловой речи, сложно обойти два трудно-различимых для данного периода развития языка понятия нормы и узуса. Деловой язык характеризуется как сложное единство, в котором одновре-

менно отмечаются общерусские нормы, свойственные всем документам Московского государства, и местные нормы (традиции), устойчиво сохранившиеся на периферии. Следствием этого явилось широкое варьирование делового языка на всей территории Российского государства.

В результате взаимодействия ареальных языковых особенностей с общерусскими элементами образуется региональный узус делового языка XVII века, который воплощается в языковой вариативности местных памятников письменности. Узус расшатывает норму и является основой для её трансформации. Данное видение вытекает из исторической динамики нормы и узуса, где норма понимается как комплекс постоянных языковых экспликаций, а также «закономерностей и тенденций, которыми определяется употребление этих языковых единиц, средств, структур» [Выхрыстюк, 2010, с. 115], а узус — как принятые речевые и письменные навыки определенной социальной группы, территории. В настоящем исследовании принимается именно такое понимание этих социально-исторических категорий.

4. Заключение

Таким образом, о русском языке в Западной Сибири и его функционировании в территориально-диалектном варианте и народно-литературном типе литературного языка, имевших письменное отражение в деловых документах, летописных текстах и произведениях литературы, следует говорить в период уже с начала XVII века. Изучение истории русского языка в этом регионе должно учитывать развитие каждого из его «проявлений» во всей совокупности жанровых и диалектных образований.

Содержащиеся в работе материалы и результаты исследования представляются важными для изучения истории русского языка в Западной Сибири и истории русского языка в целом, поскольку в русле кодикологического аспекта продемонстрировано, как складывались нормы регионального варианта делового письма. Таким образом, некоторые положения исторической грамматики уточнены локальными данными, в частности, рассмотрена унификация типов склонения во множественном числе именной парадигмы.

Источники и принятые сокращения

1. П; РІ РП — *Томск в XVII веке : документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в.* / сост. В. А. Есипова. — Томск : Изд-во Томского университета, 2005. — 184 с.

Литература

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири / С. В. Бахрушин. — Москва : Изд-во АН СССР, — 1955. — Т. 3, ч. 1. — 244 с.

2. *Выхрыстюк М. С.* Норма и узус : стандартизация и нормативность исторического текста / М. С. Выхрыстюк // Вестник Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. — 2010. — Вып. 2. Серия Филология. — С. 113—121.

3. *Григорьев А. Д.* Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров / А. Д. Григорьев. — Томск : Губ. отд. Госиздата, 1921. — 116 с. (Изв. Ин-та исследования Сибири ; № 6 Тр. ист.-этногр. отд.; № 1).

4. *Захарова Л. А.* К вопросу о диалектной основе прикетских говоров / Л. А. Захарова // Вопросы русского языка и его говоров. — Томск, 1977. — Вып. 4. — С. 47—53.

5. *Инютина Л. А.* Лексическое выражение пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильского говора XVII—XVIII веков : монография / Л. А. Инютина. — Новокузнецк : РИО КузГПА, — 2012. — 216 с.

6. *Инютина Т. С.* Понятие нормы делового языка в свете теории варьирования / Т. С. Инютина // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 308. — С. 19—23.

7. *Кортава Т. В.* Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка / Т. В. Кортава. — Москва : Издательство МГУ, 1998. — 110 с.

8. *Котков С. И.* Деловая письменность и литературный язык / С. И. Котков // Русская речь. — 1980. — № 5. — С. 105—113.

9. *Ламанский В.* Говор южной части Томского округа Томской губернии / В. Ламанский // Живая старина. — 1895. — Вып. 3—4 — С. 416—418.

10. *Никитин Н. И.* Освоение Сибири в XVII в. / Н. И. Никитин. — Москва : Просвещение, 1990. — 141 с.

11. *Палагина В. В.* Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора) : диссертация ... доктора филологических наук (отдельные разделы) : 10.02.01 / В. В. Палагина // В. В. Палагина : годы и труды. — Томск : [б. и.], 2007. — С. 25—203.

12. *Панин Л. Г.* История церковнославянского языка и лингвистическая текстология / Л. Г. Панин. — Новосибирск : Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1995. — 217 с.

13. *Панин Л. Г.* О словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII—XVIII вв. / Л. Г. Панин // Актуальные проблемы русистики : материалы Международной научной конференции. — Томск, — 2006. — Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. — С. 132—144.

14. *Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература. XVII век / Е. К. Ромодановская. — Новосибирск : Наука, — 2002. — 391 с.

15. *Русские говоры Среднего Приобья.* — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, — 1984. — Ч. 1. — 202 с.

16. *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири / А. М. Селищев // А. М. Селищев. Избранные труды. — Москва : Просвещение, 1968. — С. 223—389.

17. *Черных П. Я.* Сибирские говоры / П. Я. Черных. — Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1953. — 96 с.

18. *Шелепова Л. И.* Диалекты и этимология : источниковедческий аспект / Л. И. Шелепова. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1994. — 160 с.

19. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. / В. И. Шунков — Москва : Издательство АН СССР, 1946. — 226 с.

20. Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века / О. Г. Щитова. — Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. — 480 с.

Features of Formation of Russian Language and Development of Grammatical Rules in Business Writing in Western Siberia of 17th—18th Centuries

© Inyutina Lyudmila Aleksandrovna (2017), orcid.org/0000-0003-0091-2678, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, Novosibirsk State Technical University; Head of Department of Russian Language, Novosibirsk Higher Military Command School (Novosibirsk, Russia), Ijudina@yandex.ru.

© Shilnikova Tatyana Sergeyevna (2017), orcid.org/0000-0001-8639-5645, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Novosibirsk Higher Military Command School (Novosibirsk, Russia), caprice25@yandex.ru.

The problem of formation of the Russian language and its norms in Western Siberia in the period of development of the region by Russian first settlers is considered. Language situation in the region in 17th—18th centuries, characterized as “Siberian frontier,” is reconstructed. Stabilizing role of the Russian language is stated, cultural and linguistic influence of the languages of Siberian peoples-aborigines is marked. These factors relate primarily to the functioning of the Russian language as means of international communication. In this regard, the composition of population is characterized: local peoples and Siberian settlers (including data about their origin). Special attention is paid to clarifying the nature of the norm in the initial period of formation of the Russian national language and to identifying characteristics of the adjustment of the nominal declension in the plural (codicological study involves the monuments of business writing of Tomsk of 17th century). The documents allow to objectively and consistently interpret the facts of language variation of names and to reveal certain regularities in the formation of nominal half-paradigm. It is proved that the result of the interaction of areal linguistic characteristics with the all-Russian elements is the regional language usage of business language of 17th century, which is embodied in language variability of local written records.

Key words: Russian language in Siberia; Siberian frontier of 17th—18th centuries; rule; usage; variant; variability.

Material resources

Esipova, V. A. 2005. *P; RI RII Tomsk v XVII veke: dokumenty i materialy. Prikhodnye i Raskhodnye knigi Tomskogo goroda 30-kh gg. XVII v.* Sost. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russ.).

References

Bakhrushin, S. V. 1955. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri, 3 (1).* Moskva: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).

- Chernykh, P. Ya. 1953. *Sibirskiyе govory*. Irkutsk: Irkutskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Grigoryev, A. D. 1921. *Ustroystvo i zaseleniye Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zreniya izucheniya russkikh govorov*. Tomsk: Gub. otd. Gosizdata. (Izv. In-ta issledovaniya Sibiri, 6 Tr. ist.-etnogr. otd., 1). (In Russ.).
- Inyutina (Shilnikova), T. S. 2008. Ponyatiye normy delovogo yazyka v svete teorii varyirovaniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 308. 19—23. (In Russ.).
- Inyutina, L. A. 2012. *Leksicheskoye vyrazheniye prostranstva v kartine mira nositeley sibirskogo (tomskogo) starozhilcheskogo govora XVII—XVIII vekov: monografiya* Novokuznetsk: RIO KuzGPA. (In Russ.).
- Kortava, T. V. 1998. *Moskovskiy prikaznyy yazyk XVII veka kak osobyy tip pismennogo yazyka*. Moskva. (In Russ.).
- Kotkov, S. I. 1980. Delovaya pismennost' i literaturnyy yazyk. *Russkaya rech*, 5. 105—113. (In Russ.).
- Lamanskiy, V. 1895. Govor yuzhnoy chasti Tomskogo okruga Tomskoy gubernii. *Zhivaya starina*, 3—4. 416—418. (In Russ.).
- Nikitin, N. I. 1990. *Osvoyeniye Sibiri v XVII v.* Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Palagina, V. V. 2007. Rekonstruktsiya iskhodnogo sostoyaniya vtorichnogo govora (na materiale tomskogo govora): dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk (otdelnyye razdely). In: *V. V. Palagina: gody i trudy*. Tomsk. 25—203. (In Russ.).
- Panin, L. G. 1995. *Istoriya tserkovnoslavlyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya*. Novosibirsk: Izd-vo NII MIOO NGU. (In Russ.).
- Panin, L. G. 2006. O Slovarе russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri XVII—XVIII vv. In: *Aktualnyye problemy rusistiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 3: Yazykovyye aspekty regionalnogo sushchestvovaniya cheloveka. 132—144. (In Russ.).
- Romodanovskaya, E. K. 2002. *Sibir' i literatura. XVII vek*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Russkiye govory Srednego Priobya*, 1. 1984. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta. (In Russ.).
- Selishchev, A. M. 1968. Dialektologicheskyy ocherk Sibiri. In: A. M. Selishchev. *Izbrannyye trudy*. Moskva. 223—389. (In Russ.).
- Shchitova, O. G. 2008. *Neiskonnaya leksika v russkoy razgovornoy rechi Srednego Priobya XVII veka*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta. (In Russ.).
- Shelepova, L. I. 1994. *Dialekty i etimologiya: Istochnikovedcheskiy aspekt*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russ.).
- Shunkov, V. I. 1946. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII — nachale XVIII vv.* Moskva: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).
- Vykhristyuk, M. S. 2010. Norma i uzus: standartizatsiya i normativnost' istoricheskogo teksta. *Vestnik Tobolskoy gosudarstvennoy sotsialno-pedagogicheskoy akademii im. D. I. Mendeleyeva*, 2. Seriya Filologiya. 113—121. (In Russ.).
- Zakharova, L. A. 1977. K voprosu o dialektnoy osnove prietskikh govorov. *Voprosy russkogo yazyka i yego govorov*, 4. Tomsk. 47—53. (In Russ.).